

Оля вернулась домой; в квартире пахло так, как всегда пахнет, когда мамы нет: чем-то сладким и подгнившим. Может, Оля просыпала мусор, когда выносила его? Она открыла окна в гостиной, чтобы проветрить, а сама переделалась в домашнюю одежду. Потом легла на диван. Теперь ей видно только небо.

Нестерпимо синее. Не думать про новостные репортажи, строгий комендантский час, фотографии пропавших сестер. Сегодня отличный день. Вот бы с кем-нибудь погулять! После уроков Оля попыталась уговорить Диану побродить по центру Петропавловска, но подружка ответила, что не сможет: родители волнуются и просят после школы сразу вернуться домой. «Гулять небезопасно», — сказала Диана холодным тоном, как большая. В голосе подруги сквозили интонации ее матери.

А еще она напредила, что лучшим подругам совсем не обязательно проводить все время только вместе — можно и разлучаться иногда. Целый месяц со дня похищения девочек Диана повторяла эти слова таким тоном, что было непонятно, сама она так решила или мама надоумила ее,

но подруга явно была не против. С тех пор как сестры пропали, Оля с Дианой проводили свободное время порознь. Учебный год только начался, а Диана уже дала понять: им нужно на время перестать встречаться, принять глупые правила и прикусить языки, а не устраивать бесконечные споры из-за того, что опасно, а что нет.

Олина мама не нагнетала атмосферу. Она доверяла дочери и не боялась оставлять ее одну. Мама работала переводчиком; сейчас она на севере с группой туристов из Токио. Переводит на японский слова русского гида, объясняет состоятельным гостям полуострова, как выслеживать бурого медведя, собирать поздние ягоды и купаться в горячих источниках. Когда мама уезжала, из дома пропадали музыка, запах духов и следы помады на чашках. До исчезновения сестер Диана частенько приходила к Оле в гости, когда та оставалась одна; подруги проводили время дома, но летние каникулы закончились, у всех в городе началась паранойя. Оле не с кем было пошуметь; мама вернется только в воскресенье, привезет иностранные леденцы, которыми ее угощают туристы.

Пряди волос упали на лицо. Ей и одной хорошо. Все знакомое, согретое солнышком. Прошлой весной, когда она училась в седьмом классе, их учительница по истории унизила Олю перед всеми ребятами, сказав, что у девочки не прическа, а крысиное гнездо; внутри у Оли все клокотало. Лето прошло, ей исполнилось

тринадцать, они с Дианой исходили город вдоль и поперек; пряди пощекотали Оле шею, она вспомнила слова учительницы, и ей даже понравилось. Крысиное гнездо. Она зверек, а квартира — ее нора.

Оля потянула носом — запах выветрился.

На улице просигналил грузовик, другой просигналил в ответ. Девочка перевернулась на живот, взяла телефон и стала листать новостную ленту: селфи, скейт-парки, одноклассницы в коротких юбках. Чья-то подружка оставила в комментариях своему парню сердечко. Оля кликнула на ее страницу, посмотрела все фотографии, нашла общих с этой незнакомкой друзей, полистала их аккаунты, кликнула на парочку, пробежала глазами посты. Вернулась к своей ленте, обновила ее и застыла.

Их с Дианой общая знакомая только что опубликовала фотографию. Диана широко улыбается, щеки у нее лоснятся; она в домашней одежде: дурацкая красная футболка, на груди британский флаг из страз, розовые леггинсы с дыркой на коленке. Подруга сидит на кровати, скрестив ноги, рядом лежит одноклассница, а другая, в школьной форме, наклонилась к ним и показывает пальцами знак победы.

Оля села и написала Диане: «Что делаешь?» Не дожидаясь ответа, отправила другое сообщение: «Можно я приеду?»

Она резко встала с дивана, натянула джинсы, взяла куртку, рассовала по карманам кошелек,

гигиеническую помаду, наушники и ключи. После уроков Диана сказала, что ей нужно домой. Может, она и Олю звала с собой? Может, они друг друга не поняли? Оля еще раз посмотрела на фотографию. Их там что, четверо? Пост опубликовала девочка, которая жила совсем в другом районе. Оля обновила ленту. Ничего нового. Она проверила, на месте ли проездной, захлопнула дверь квартиры и сбежала по лестнице.

Солнце светило так ярко, что Оля поморщилась. Она не провела дома и часа, а уже превратилась в грызуна — подслеповато щурилась на свет. На ходу она провела пальцами по волосам, перекинула их назад, пригладила. Днем Оля предложила Диане сходить в центр. Но, конечно, она согласилась бы и на любой другой досуг, и Диана это знала. Она знала, что Оля не хочет оставаться одна. Лучшие подруги не бросают друг друга.

Парковка перед домом была вся в ямах. Оля старалась перепрыгивать через самые большие, чтобы не замедлять шаг. Сквозь подошвы кроссовок она чувствовала жар дороги и уколы гравия. Асфальт плавился под палящим солнцем, рытвины будто норовили затянуться сами собой. Даже рекламный щит над светофором выглядел как новый: с него улыбалась модель, опустившая руки в раковину с густой пеной. Перекресток окружали многоквартирные дома: фасады поделены на разноцветные секции темными линиями бетонных швов. Там, где раньше жили

люди побогаче, розовая и персиковая краска облупилась. Те, у кого сейчас водились деньги, делали в своих квартирах темно-синие балконы. В просветах между домами виднелись сопки; их склоны подернуты желтизной.

Олина мама сейчас там, севернее этих сопок. Летит на туристическом вертолете над тундрой. То и дело повторяет солнцу: «Arigato»⁴.

Услышав звук своих спешных шагов, Оля сбавила темп, почувствовала ласковый солнечный свет на лице, а потом увидела, как автобус выезжает на кольцо, и побежала на остановку.

Она шла по проходу; автобус раскачивался. По обе стороны разные униформы: комбинезоны рабочих, костюмы медработников, синяя форма полицейских и зеленая, застегнутая на все пуговицы, — военных. День близился к концу. Все мужчины в автобусе выглядели как потенциальные похитители. В августе в Петропавловске поползли слухи о том, что похититель — неизвестный мужчина крупного телосложения. Искать бесполезно, так прокомментировала Олина мама. Она сказала, может, свидетель вообще ничего не видел. Под это описание подходит половина города, под подозрением может оказаться любой. Оля нашла свободное место и села.

Диана не отвечала. Оля отправила несколько вопросительных знаков, заблокировала экран и закрыла крышку чехла, будто бы этим

⁴ «Спасибо» (яп.). *Прим. пер.*

стерла свое сообщение. Чтобы отвлечься, стала смотреть в окно.

«Золотая осень» — так мама называла это время года, короткое и прекрасное, как на картине. Все деревья в золоте. Воздух еще зовет на улицу. Он даже более летний, чем летом. Пик Корякской сопки на горизонте уже примерил первую снежную шапку. Скоро наступят холода, но пока тепло.

Диана наверняка уже поняла, что Оля увидела фотографию. Она зажала телефон между ладонями. Интересно, девочки сейчас над ней смеются?

Так всегда: чем больше сближаешься с человеком, тем чаще ему врешь. Малоознакомым людям Оля могла сказать что угодно: могла признаться медсестре, что ей больно, когда делают укол, или попросить продавца в продуктовом отложить что-нибудь, потому что не хватает денег. Оля была честной, когда оставалась одна. Она не стеснялась тех одноклассников, с которыми не дружила: как-то раз парнишка за партой позади нее стал хвастаться, что получил высший балл за первую контрольную в году, так Оля тут же негодуя отвернулась от него. Этот праведный гнев разжигал пламя в ее груди. А вот с мамой Оля уже не была такой прямолинейной, даже когда та заставляла ее убираться в квартире; да и с Дианой тоже частенько приходилось держать язык за зубами.

Этим утром перед первым уроком Диана потребовала от Оли говорить потише. «У меня

от тебя голова болит», — пожаловалась она, сложив руки на парте и уткнувшись в них лбом. Оля не спросила, что не так с ее голосом, а, тронув подругу за плечо, зашептала ей на ухо, но тут в класс вошла учительница. С Дианой Оля оставалась вежливой, даже когда слова застревали у нее в горле, как камни.

За обедом они проверяли домашнее задание по математике. Диана исправляла Олю, а та кивала, хотя подруга вела себя некрасиво. Самодовольно. В начальной школе Диана была чудо как хороша. Темноволосая и более угловатая Оля любовалась ее затылком, когда их строили в колонну и переводили из кабинета в кабинет. Теперь девочки учились в восьмом классе. Диана так и осталась круглолицей блондинкой с бледной кожей и яркими губами, как блестящая красная краска на новой машине; но вот щеки покрылись акне. Ресницы, когда-то удивительно белые, стали совсем прозрачными. Посмотришь на подругу — красавица, а потом глядь — перед тобой уже чудовище.

Оля приоткрыла ладони и посмотрела на свой телефон. Ничего.

Днем на физкультуре они с Дианой, как всегда, бегали рядом. Оля старалась бежать в ногу и подстраивалась. Она могла бы побежать быстрее, но, если любишь, идешь на компромиссы. Рядом с дорогими людьми свобода ей была не нужна.

Под окном автобуса скопились машины. Вдоль дороги полыхали оранжевые и багровые

листья, белели покрашенные стволы берез, серели пыльные фасады зданий, десятилетиями не видевшие свежей краски. На стенах в автобусе расклеены предупреждения о правилах безопасности от корейского производителя, а русские пассажиры исписали стены толстыми фломастерами. Автобус вез Олю под горку.

Он остановился на шестом километре, у рынка, где старушки продают всякую всячину и пирожки, а потом повернул в сторону «Горизонта». Оля поудобнее уселась на сиденье. Рядом с ней в пластиковой раме дрожало окно. Она представила, как без приглашения заявится к Диане домой, и ей стало противно. Разве лучшим друзьям не нужно говорить, что хочешь их видеть? Она прикрыла глаза, снова открыла их, набрала номер подруги, но та не ответила.

Оля позвонила снова. И еще раз. Скоро Дианина остановка. Прижав телефон к щеке, Оля протиснулась мимо чужих коленей, показала водителю проездной и вышла на углу; всё в этом районе было ей знакомо. В трубке раздавались гудки. Оля сбросила звонок.

Она так торопилась, что стало жарко. Стоя на остановке в трех домах от Дианиного, она сбросила куртку, чтобы ветерок остудил ее плечи.

В этой части города дома выглядели чище. Район называется «Горизонт», потому что он словно висит в воздухе над оврагом, где растут пожелтевшие деревья, и первым встречает

рассвет. Оле нравилось бывать здесь. Она обновила новостную ленту — сплошные видеоклипы. Вбила имя подруги в строку поиска. Телефон зажужжал, и Оля чуть не выронила его.

— Привет! — сказала она.

— Это Валентина Николаевна, — ответила мать подруги.

Оля накинула куртку на плечи.

— Здравствуйте!

— Оля, тебе не стоит к нам приходить.

Девчачьих голосов не слышно. Наверняка все четверо в другой комнате.

Оля прищурилась:

— Если честно, я уже рядом с вами. Можно я загляну?

Валентина Николаевна вздохнула:

— Езжай домой. Тебе нечего здесь делать. Разве о тебе никто не будет волноваться? Должна сказать, мы против того, чтобы вы с Дианой общались вне школы.

— Что? — переспросила Оля.

— Диана больше не будет общаться с тобой вне школы.

Именно так всегда говорила мать подруги. Сегодня днем Диана скопировала ее сухой, циничный тон. Притом что слова звучали вежливые. Как понимать это несоответствие? Оле на встречу шла парочка, она уступила им дорогу, сделав шаг в сторону, туда, где заканчивается тротуар и начинается газон.

— Но почему?

— Ты на нее плохо влияешь, — ответила Валентина Николаевна.

Оля плохо влияет на Диану.

— Что? Как это?

Одна из девочек на той фотографии не носила нижнее белье, а первый мальчик у нее появился в пятом классе. Для сравнения: Оля даже сигарету целиком ни разу не выкурила. Она просто всегда была внимательна к подруге, копировала любимые песни на Дианин плеер и хранила в коробке под кроватью дешевые любовные романы, которые Валентина Николаевна не разрешала дочери читать. Иногда за обедом Оля слегка пинала Диану под столом, чтобы над ней подшутить. А еще списывала у нее математику. Вот и все, больше ничего.

— Разговор окончен, — отрезала Валентина Николаевна. — Твое поведение в последнее время вызывает беспокойство. Я ушам своим не поверила, когда Диана сказала, что ты зовешь ее гулять в центр.

— Что в этом такого? Все нормально!

— Нет, не нормально. И ты об этом знаешь. Твоя семья... Никакой дисциплины! Это просто неприлично!

Оля прикрыла глаза рукой. Позади одного из опрятных домов на сопке залаяла собака.

— Моя семья... Это вы о маме?

— А о ком же еще? — ответила мать подруги.

У Оли с дисциплиной все в порядке. Ее безупречная мама, потребности лучшей подруги

и собственные ежедневные усилия помогли ей воспитать в себе такую железную волю, что сейчас девочка не могла произнести правильные слова: «Валентина Николаевна, ну вы и тварь». Вместо этого Оля сказала:

— Не говорите так о моей маме.

— Мы говорим о тебе и моей дочери.

— Вы ошибаетесь. Это несправедливо.

— Я все сказала. Можете видаться в школе под надзором учителей, но, пожалуйста, больше не звони Диане в свободное время. Договорились?

Оля молчала.

— Ты меня поняла?

— Да, — сказала она. Только так можно было закончить этот разговор.

Дианина мать ответила:

— Хорошо. Спасибо. У меня все.

Когда Валентина Николаевна положила трубку, Оля вытерла дисплей о рукав рубашки и посмотрела на черные разводы. Разблокировала. Нашла в списке контактов маму и замерла.

Что она ей скажет? «Валентина Николаевна считает, что мы плохо влияем на ее дочь»? И что мама ей ответит? Она не сможет изменить того, что уже произошло.

Валентина Николаевна всегда недолюбливала Олину семью. Девочки подружились в пятом классе, ночи напролет говорили по телефону, и уже тогда Дианина мать возражала против их общения. Она работала администратором

в начальной школе и пользовалась информацией из личных дел учеников в собственных целях. Когда Оля была у них в гостях в последний раз, в разгар ужина хозяйка указала пультом на телевизор. Передавали вечерние новости: бесконечная череда заявлений полицейских, планы представителей гражданского поискового отряда, фотографии сестер Голосовских. «В советское время такого бы не произошло», — сказала Валентина Николаевна. Диана прихлебывала суп. «Вы себе не представляете, насколько безопасно нам жилось. Никаких посторонних людей. Власти совершили ошибку, открыв полуостров для приезжих. — Она отложила пульт. — А сейчас полно туристов. Мигрантов. Всяких коренных. Преступников».

Оле следовало держать язык за зубами. Однако она спросила: «А разве коренные жители не всегда жили здесь?»

Валентина Николаевна обратила свое круглое, как у дочери, лицо в сторону экрана. Она накрашила ресницы тушью, чтобы глаза выглядели ярче. «Они жили у себя в селах, где им самое место».

Журналист повторил, что в последний раз сестер видели в центре Петропавловска, — это вообще ничего не значит в городе с населением двести тысяч человек на полуострове протяженностью тысяча двести километров. Никто уже не обращал внимания на предостережения полиции. Когда показали мать пропавших

девочек, Валентина Николаевна сказала: «Вот и она». Хозяйка положила руку на стол между дочерью и ее подругой, чтобы привлечь их внимание. «Ужасно, да? Какая трагедия! Бедняжка... Осталась совсем одна, мужа нет, работает без продыху. В личном деле ее младшей дочери сказано, что мать не была ни на одном родительском собрании. — Валентина Николаевна посмотрела на Олю и вскинула подбородок. — Отца нет, мать занята. Вот так и случаются несчастия».

Оля хотела ей возразить. Сказать, например: «Как вы смеете», или «Замолчите», или «Я знаю, что вы обо мне думаете», но она даже не попыталась. Диана бы не одобрила. Вместо этого гостя помешала суп в тарелке. Каждый день Валентина Николаевна уходила с работы в три часа, садилась на отремонтированной кухне со своим тупым муженьком, заштатным ученым из Института вулканологии, и рассуждала об Олиной неблагополучной семье. Ее мама талантливая и много путешествует; да, у них нет денег на тушь для ресниц, и времени на то, чтобы смотреть вечерние новости и причитать о судьбе двух незнакомых девочек, тоже нет.

Олин дом отличался от Дианиного. С мамой весело. В перерывах между командировками она давала девочкам померить свои лучшие наряды: красноармейскую пилотку, шелковое кимоно, которое привезла из Киото, где стажировалась студенткой, кожаную юбку-карандаш.

Если к ним домой вместе с Олей и Дианой приходил кто-то еще, мама приветствовала гостей по-японски. Когда она говорила, щеки приподнимались: она улыбалась, но хотела скрыть эту улыбку, поэтому раскачивающиеся звуки японского языка у Оли ассоциировались с маминым мерцающим счастьем. Пару месяцев назад Диана, насмотревшись аниме и нахватавшись там разных выражений, попыталась блеснуть знаниями перед Олиной мамой, а та, уперев руку в бедро, ей ответила. Секунд десять подруга делала вид, что понимает, а потом уголки ее губ грустно опустились. Олина мама улыбнулась и сказала: «Я шучу, солнышко».

Мама простая и умная, доверчивая и веселая. Если Оля позвонит ей сейчас, то все испортит.

Незваная гостья села на корточки и уткнулась лицом в локоть. На другой стороне улицы шумели деревья. Ветер гулял в овраге. Мимо проносились равнодушные машины.

Диана — Олина подруга. Лучшая подруга. Они знакомы с первого класса. Пусть Диана иногда странно себя ведет, то отстраняется, то опять ни с того ни с сего тянется к ней, Оля все равно любит ее. И пусть Оля раздражается, ерзает во время уроков, порой говорит колкости одноклассникам — Диана тоже ее любит. Она оставалась у Оли с ночевкой, когда мама уезжала по делам. Подруга расчесывала Олины волосы и заплетала их в косичку, которая на конце становилась тоненькой и растрепанной, как

обкусанный карандаш. Диана брала у Оли футболки поносить, чаще даже нестиранные — ей нравилась такая близость, она чувствовала подругу кожей, и Оля не заставляла ее этого делать! Диана старалась быть хорошей подругой по тем же причинам, что и Оля: они дружили давно, ей так хотелось, она заботилась об Оле.

Рукав куртки намок от слез. Выпрямив руку, Оля заметила, что на сгибе локтя, там, где ткань сборола, осталось сухое пятнышко в виде звезды.

Она встала и написала Диане: «Ты можешь поговорить со мной?» Посмотрела на экран. Ответа нет.

Даже если бы Диане разрешили что-нибудь написать, сказать ей нечего. Еще одно оправдание. Минимум раз в неделю Оля повторяла, что исчезновение тех сестер их двоих не касается: пропали две маленькие девочки, пустоголовые; старшая только пошла в среднюю школу.

После уроков Оля предложила сходить в центр, а Диана опять заговорила про сестер. Как будто город виноват в их исчезновении. Оля попросила: «Позвони домой, вдруг разрешат». Пока дети, толкаясь, выходили на улицу, а учителя что-то кричали им вслед, Диана позвонила домой: «Хорошо, мам. Я знаю, она такая. Приду».

Она положила трубку, а Оля ответила: «Ты даже не попыталась». Подруга покачала головой: «Попыталась». Оля повторила: «Нет, не попыталась». Диана опустила голову так, что за белой челкой было не разглядеть глаз. В такие

моменты она походила на альбиноса. «Мама сказала, она против того, чтобы мы гуляли вместе. Я слушаю, когда мне говорят, что делать». Это «я» прозвучало как упрек.

Оля не ответила ей, что если кто из них двоих и слушает, так это она. И вот доказательство.

Она слышала истинный смысл слов Валентины Николаевны. Плевать на пропавших девочек, они чужие люди. Она просто ненавидела Олю и ее маму, без причины, просто потому, что им хватило смелости жить самостоятельно.

К остановке, пыхтя, подъехал автобус. За передним стеклом подпрыгивала пластиковая табличка с описанием маршрута: он шел не в сторону Олиного дома, а в другой конец Петропавловска, в направлении судоремонтного завода и Завойко. Оля нащупала проездной. Можно сесть в этот автобус. Можно делать что угодно. Она одна.

И Оля села. Автобус повез ее мимо отделения полиции, больницы, цветочных ларьков и киосков, где продают пиратские DVD-диски; мимо новенького продуктового магазина, в котором можно купить яблоки из Новой Зеландии; мимо стадиона «Спартак». Олю со всех сторон обступили взрослые, она держалась за поручень-петлю. Было слишкомлюдно, достать телефон она не могла, поэтому просто представила себе ту фотографию. Диана получилась плохо. Покатые плечи, белые угри. Одноклассница наклонилась, чтобы попасть в кадр; с одной стороны

задралась юбка, обнажив ногу. Лица у всех четверых блестят из-за вспышки.

В проходе стояла пожилая женщина и смотрела на Олю. Может, думала о ее «вызывающем беспокойство» поведении. Девочка потрясла головой, чтобы спрятать лицо за спутанными волосами.

Когда автобус затормозил на следующей остановке, Оля вышла, расталкивая зазевавшихся пассажиров. Она выбралась из толкотни и заметила, что в центре города все ещелюдно. Вот памятник Ленину, у него развеваются полы пальто, а под памятником школьники катаются на велосипедах. Вот фасад администрации, а позади залитые закатным светом сопки. Вот вулкан, отсюда виден только его пик. Справа от Оли галечный пляж и бухта. Рядом Никольская сопка. Выхлопные газы автомобилей смешиваются в воздухе с запахом масла и соленой воды. Нужно вообще не иметь мозгов, чтобы дать себя похитить в центре города.

Оля проверила, на месте ли кошелек, и пошла в сторону киосков с едой.

— У меня восемьдесят шесть рублей, — сказала она продавщице, а та кивком головы указала на прейскурант. — Можно мне хот-дог?

— Он стоит сто десять.

— Можно тогда без булки?

Продавщица закатила глаза.

— Восемьдесят шесть, говоришь? За газировку и чай восемьдесят пять.

Оля положила деньги на прилавок и забрала один рубль, пригоршню пакетиков с сахаром и банку кока-колы. Минуту спустя ей дали мягкий стаканчик горячего чая. С напитками в руках, один горячий, другой холодный, она пошла по каменистому берегу к скамейке.

Позади нее ездил машины. Небольшие волны плескались о камни. Сначала Оля выпила газировку, прислушиваясь к прибою, гулу моторов, голосам мальчишек у памятника. Потом высыпала в стакан три пакетика сахара и выпила чай, запрокинув голову назад, чтобы сахарная гуща со дна сползла на язык. Сладкий песок в горле.

Людей становилось все меньше. Птицы полетели в сторону сопок. Солнечные блики играли на воде. Краны дальше на побережье стояли без движения. Крановщики давно дома, с семьями или друзьями.

Телефон оттягивал карман куртки. Оле не хотелось проверять ленту. Может, там появилось больше фотографий четырех подружек — голова к голове, например, или одна держит в руках лицо другой, а внизу подпись: «Лучшие подруги». Это пострашнее, чем чужак в городе.

Хотя, может, и нет никаких новых постов. Может, Валентина Николаевна отобрала у Дианы телефон после сегодняшнего разговора. Может, выгнала тех девчонок. Может, Диана прорыдает всю ночь, услышав, что сказала ее мать.

Завтра перед уроками Оля спросит: «Почему ты позволила ей так со мной разговаривать?»

Диана ответит: «Я не могла ее остановить. Она отобрала мой телефон и оттолкнула меня».

«Ты никогда ей не перечишь. Она больная на всю голову». Оле можно говорить откровенно, потому что с ней обошлись несправедливо, и Диане придется согласиться, хотя она столько лет делает вид, что у нее идеальная семья.

Вместе они придумают план. Диана скажет матери, что вступила в какой-нибудь клуб по интересам, и тогда они смогут два раза в неделю ходить после школы к Оле домой. Это будет их секрет. Олина мама их не выдаст. Оля разорвала еще один пакетик с сахаром, высыпала содержимое в рот и прожевала. Сахар растворился на зубах. Клуб по интересам можно назвать так: «Все ненавидят Валентину Николаевну» или «Побег от матери-монстра».

Оля проглотила сахар, смахнула мусор на землю и легла на скамейку.

Тихонько шумел прибой. Примерно в двух метрах от берега вода покрылась рябью. Там, вдалеке, темнел другой берег, редкие огни намекали на Вилючинск, город подводников со стоянками атомных подводных лодок, горы наслаивались друг на друга, бледнея на вершинах.

Еще клуб можно назвать вот как: «Оля сама по себе». Она знала, Диана на это не пойдет. Просто знала. Никакого клуба не будет. Когда речь заходила о любви или лжи, Диана всегда отодвигала Олю на второй план.

Желтое закатное небо отражалось от земли. Вдалеке мигали огни. У Оли за спиной то и дело проносились машины.

Виски увлажнились и похолодели от слез. Оля протерла глаза. Кто-то крепко взял ее за правую лодыжку большой рукой, и она в ужасе села.

Возле скамейки стоял полицейский, которого она видела по телевизору. Высокий, в солнечных очках; форма придавала ему важный вид. Он отпустил Олину ногу и спросил:

— Алена Голосовская?

Оля подтянула ноги к себе, часто дыша:

— По-вашему, я на нее похожа?

— Фамилия, имя, отчество.

— Петрова Ольга Игоревна. — Вот, значит, как полиция проводит поиски? Ходят от скамейки к скамейке там, где школьниц видели в последний раз? Ничего удивительного, что сестер до сих пор не нашли. — Я старше их. Учусь в восьмом классе. И я вообще не похожа на Алену Голосовскую.

Оля вытерла слезы обеими руками и посмотрела на следователя; ее лицо отразилось в стеклах его очков. Пропавшие сестры были миниатюрные, хрупкие и тщедушные. Не то что она, подросток-переросток.

Следователь внимательно посмотрел на Олю, а потом махнул кому-то рукой. У обочины, не заглушая мотор, ждала полицейская машина.

— Как давно ты здесь?

— Может, час.

— Не видела никого подозрительного?

— Никого. Вас только.

— Больше к тебе никто не подходил? Может, водитель какой-нибудь черной машины? — Оля покачала головой. — Не закатывай глаза, когда я с тобой разговариваю, — велел следователь.

— Я не закатывала. — Удивительно, как приятно врать постороннему человеку.

— Надеюсь, ты понимаешь, как опасно гулять здесь одной?

— Нет, не понимаю, — ответила Оля и улыбнулась полицейскому. — Мама только что вышла с работы, она меня заберет. Приедет с минуты на минуту. — Телефон, зажатый между ладонями у нее на коленях, завибрировал. Оля вздрогнула. — Мама звонит!

Следователь переступил с ноги на ногу. Хотя полицейская форма и очки придавали ему важности, лицо у него было молодое. Из заднего кармана он достал визитную карточку и протянул Оле. «Лейтенант Николай Данилович Ряховский». Ниже номер телефона, в углу вытравлен герб.

— Позвони, если что-нибудь вспомнишь, — попросил он. — И передай маме, чтобы больше не назначала тебе встречу здесь: это неподходящее место.

Оля кивнула и поднесла телефон к уху.

— Да, мамочка. Уже едешь? Здорово!

Следователь удалялся, галька скрипела у него под ногами. Телефон, прижатый к щеке, вибрировал.

Как только Николай Данилович сел в машину, Оля снова легла на скамейку. Она посмотрела на экран. Пропущенный от Дианы. Она разблокировала экран, смахнула уведомление, открыла их переписку и стала ждать объяснений от подружки. Она представляла себе буквы, хаотичные пробелы. Ничего. Оля опять заблокировала экран.

По правде говоря, ей не хотелось перезванивать.

Она сидела на лавке совсем одна. Ей так даже нравилось.

На закате прибрежные камни поменяли цвет: были серые и черные, а стали медового оттенка. Янтарного. Они блестели. Скоро галька засияет, а вода в бухте окрасится в розовый и оранжевый. Из центра города открывается потрясающий вид, а родители боятся отпустить сюда своих красавиц-дочерей.

Оля повернула голову, затылок перекатился по рейкам скамьи. Боковым зрением она увидела белые и желтые электрические огни. Солнце заиграло в волосах. Куртка тоже напиталась светом. Вспыхнула.

Золотая Оля. Она сосредоточилась на светоносном воздухе. Даже если Диана придет к ней домой и объяснится, если принесет в школу письменное извинение от Валентины Николаевны; или если мама приедет на следующей неделе и скажет, что нашла новую работу с более высокой зарплатой: будет преподавать грамматику

в университете и больше никогда не уедет надолго; или если похищенные девочки вернутся, а полицейские перестанут патрулировать улицы, и в Петропавловске возобновится нормальная жизнь... Даже если все это произойдет, Оля не сможет описать эту игру света. Она никому ничего не расскажет. Никто не узнает, что пропустил самый красивый осенний день, и только Оля видела его изнутри.

Как приятно сохранить этот миг в тайне! Как спокойно внутри себя!

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Mifbooks

Mifbooks

Mifbooks